УДК 94(480)

**М. Витухновская-Кауппала**

# Карл Энкель, последний министр статс-секретарь Финляндии (апрель–ноябрь 1917 г.), и его российские политические контакты

Карл Йохан Алексис Энкель (1876–1959) принадлежал к семейству, члены которого с середины XIX в. играли роль медиаторов в отношениях между российской властью и финскими элитами. Именно этот слой элиты национальных окраин имел в виду А. Каппелер, когда писал: «...отдельные представители кооптированных в имперскую элиту культурно чуждых привилегированных слоев... вошли в состав высшей политической элиты имперского центра, найдя применение своим специфическим особенностям (хорошее образование, знание языков, международные связи) в армии, бюрократическом аппарате и науке на благо империи»[1].

Эти люди были связаны с метрополией родственными и/или служебными связями, многие из них годами и десятилетиями жили в России, некоторые оставались там навсегда. Российская империя предоставляла многочисленные карьерные и предпринимательские возможности для выходцев из маленькой Финляндии, и честолюбивые, энергичные люди спешили этими возможностями воспользоваться. «Хельсинкская газета» (*Helsingfors Tidningar*) писала в 1836 г., что Россия открыла «новое поле для финских молодых людей в плане карьерного продвижения на пространстве обширной империи»[2].

[1] *Каппелер А.* Центр и элиты периферий в Габсбургской, Российской и Османской империях (1700–1918 гг.) // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 26.

[2] Helsingfors Tidningar. 1836. 05.03.

Наиболее интегрированной в российские элитные круги была группа финляндских офицеров, служивших в российской армии. Почти все они были этническими шведами. Это неудивительно — шведы составляли подавляющую часть финляндской элиты и стремились сохранить свой высокий статус, а офицерская служба как никакая другая предоставляла для этого возможности. В самой же Финляндии были очень незначительные воинские подразделения (в 1901 г. они были упразднены), и служба в них не давала никаких перспектив для карьерного роста. «На ловлю счастья и чинов» в Россию, по подсчетам Джона Скрина, в общей сложности за весь период истории Великого княжества отправилось от 3,3 до 4,5 тыс. финляндских офицеров[3]. Поступление финляндцев в российскую армию было упрощено благодаря предоставленным им особым возможностям.

Финляндские офицеры в России часто образовывали династии, сыновья и внуки шли по стопам отцов и дедов. Наш герой относился как раз к такой династии. Его дед, Карл Густав Энкель, уже через три года после заключения Фридрисхгамского мира, по которому Великое княжество Финляндское отходило к России, поступил на военную службу. Он дослужился до чина полковника русской армии. Из его шести сыновей три также выбрали военную карьеру, и два из них, Карл и Николай Энкели, стали генералами. Старший из этих двух генералов Энкелей, Карл (1839–1921), и был отцом нашего героя[4]. Он прошел классический путь финляндского офицера русской службы: окончил кадетское училище в Фридрихсгаме, служил в различных элитных подразделениях русской армии (в гренадерской и гвардейской частях), участвовал в русско-турецкой войне, многие годы жил в Петербурге, а затем в 1885 г. переехал в Финляндию со всей семьей (к тому времени в семье было уже четыре сына и дочь). Карл Энкель-старший получил назначение на должность директора кадетского училища в Фридрихсгаме[5]. Причиной его возвращения стало желание дать детям образование именно в Великом княжестве.

Жена генерала Энкеля происходила из обрусевшего польского дворянского рода Брониковских, ее родным языком был русский. Карл Энкель-старший владел русским так же безукоризненно, как и родным шведским: в его эпистолярных собраниях хранятся письма, написанные на обоих языках без единой ошибки или шероховатости. Домашним языком семьи был русский. Внук Карла Энкеля-младшего, Пьер Энкель, в письме к автору этой статьи вспоминал, как в 1955 г. он был свидетелем встреч братьев

[3] О службе финляндских офицеров в российской армии см.: *Screen J.E. O.* 1) The Entry of Finnish Officers into Russian Military Service 1809–1917. London, 1976; 2) «Våra landsman»: Finnish Officers in Russian Service, 1809–1917: a Selection of Documents. Åbo, 1983.

[4] Släkten Enckell, 1623–2000. Sammanställ av Gerald Enckell. 2000, s. 87–89; Släktbok. Ny Föld. III: 2–3. Ekenäs, 1989. S. 242–247.

[5] *Волков С.В.* Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. II: Л–Я. С. 799.

Энкелей — Оскара, Карла и Арвида. Они уже давно жили к тому времени в Финляндии, но беседу вели на русском, языке своего детства.

Всех четырех своих сыновей генерал Энкель определил во Фридрихсгамское кадетское училище. Старший сын, Карл Йохан, которому и посвящено наше сообщение, и второй по старшинству Оскар окончили училище с отличием, «по первому разряду», и их имена были занесены на мраморную доску. Это дало им возможность поступить в элитные подразделения русской армии — Карл в 1896 г. начал службу в Измайловском гвардейском полку (вышел оттуда в 1899 г.), а Оскар на год позже — в Семеновском[6]. О своей службе Карл Йохан писал в своих воспоминаниях: «К офицерскому кругу, который не был гомогенным, относились многие офицеры балтийского происхождения, поляки, литовцы, грузины и т.д., и русский национализм не проявлялся ни в малейшей степени. Иногда случалось, что кто-то из истинно русских к всеобщему удовольствию начинал подсчитывать, сколь многочисленно нерусское большинство, сидящее за завтраком. Дружеский дух офицерства был безупречным»[7].

Несмотря на открывавшуюся перед ним блестящую военную карьеру Карл Энкель-младший (в России его звали Карл Карлович) предпочел получить инженерное образование, для чего в 1899 г. отправился в Германию. Здесь он поступил в Дрезденскую техническую высшую школу. Он писал в воспоминаниях, что военная наука его никогда не интересовала, и он еще по окончании кадетского корпуса договорился с отцом о том, что не будет продолжать военную карьеру[8]. Впоследствии, став инженером, Энкель быстро поднялся до должности директора-распорядителя акционерного машино- и мостостроительного общества, а также занял пост заместителя председателя финского Союза работодателей. Прекрасно владевший русским языком и имевший многочисленные связи в России, Энкель стал председателем финского представительства Экспертной палаты России. В этом качестве он участвовал в переговорах по развитию русско-финских торговых связей с русскими промышленниками и представителями властей[9].

Неудивительно, что обладавший такими исключительными данными человек оказался востребованным, когда после Февральской революции внутрироссийский политический ландшафт резко изменился и потребовались новые люди. 7 марта 1917 г. была полностью заменена административная верхушка

---

6 Suomen Kansallisbiografia. Osa 2. Helsinki, 2003. S. 570–572, 575–577.

7 *Enckell C.* Poliittiset muistelmani. Porvoo–Helsinki: Werner Söderström osakeyhtiö, 1956. S. 14.

8 Ibid. S. 18.

9 Suomen Kansallisbiografia. Osa 2. S. 570–572; *аф Форселлес-Риска С.* Как из офицера и руководителя промышленности Карла Энкеля получился знаток российских дел и последний статс-секретарь Финляндии в Петербурге // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы: Материалы IV ежегодной научной конференции (24–25 апреля 2002 г.) / Под ред. В.Н. Барышникова, С.Ю. Трохачева. СПб., 2003, С. 57–65.

российской власти в Финляндии. По предложению министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова, финляндским генерал-губернатором был назначен Михаил Александрович Стахович и его помощником — барон Сергей Александрович Корф. Помощник финляндского генерал-губернатора Адам Иосифович Липский, директор канцелярии финляндского генерал-губернатора Николай Николаевич Горлов и чиновники особых поручений Александр Николаевич Мясоедов и Михаил Феодорович Ганскау были уволены, причем Липскому и Горлову было предложено немедленно покинуть пределы Финляндии[10]. 8 апреля Временное правительство утвердило назначение министром статс-секретарем Финляндии Карла Карловича Энкеля. В этом качестве Энкель занимался, по его словам, «довольно неблагодарным делом взаимного сближения России и Финляндии», пожелания о котором многократно высказывало Временное правительство[11]. Энкель оставил подробные политические воспоминания, в частности — о своем взаимодействии с Временным правительством[12].

Как отмечает биограф Карла Энкеля аф Форселлес-Риска, он «переехал в Петроград и стал жить в квартире, предоставленной статс-секретариатом. <...> Очевидно, Энкель свободно вращался и в политических, и в военных кругах Петрограда в 1917 г. Пребывая в Петрограде в качестве статс-секретаря, он хорошо знал не только русских промышленников и представителей властей, но и некоторых офицеров, знакомых ему еще со времен лейб-гвардии Измайловского полка. Энкеля также знали в находившемся в Петрограде военном министерстве, по просьбе которого он после нескольких переговоров начал производство военной продукции на своем промышленном предприятии для русской армии»[13].

В течение Первой мировой войны российско-финляндские отношения находились в «подмороженном» состоянии — так называемая «большая программа русификации», подготовленная к 1914 г., не была принята к исполнению, однако русская власть не делала никаких шагов и в направлении смягчения русификационной политики[14]. Поэтому несмотря на теснейшее экономической взаимодействие державы и окраины в Великом княжестве накапливался негативный протестный потенциал. Даже Иоганн Рихард Даниельсон-Калмари, лидер партии старофиннов, стремившейся к достижению компромисса с российской властью, переметнулся к конституционалистам[15]. Выражением протестных на-

[10] *Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi, 1917–1920. Osa I. Helmikuu 1917 — toukokuu 1918. Porvoo–Helsinki: Werner Söderström osakeyhtiö, 1967. S. 24–25.

[11] *Enckell C.* Poliittiset muistelmani. Osa I.S. 68.

[12] Ibid. Помимо изданных воспоминаний в распоряжении исследователей находятся несколько более ранних (1920–30-х гг.) интервью Карла Энкеля: SK. Carl Enckellin kokoelma (коллекция Карла Энкеля). Kotelo 28.

[13] *аф Форселлес-Риска С.* Указ. соч. С. 64.

[14] См. об этом: *Соломещ И.М.* Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.): Учебное пособие. Петрозаводск: Издательство ПГУ, 1992.

[15] *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии, 1809–1995. М., 1998. С. 99.

строений стала тайная отправка финскими активистами около двух тысяч молодых людей в Германию для военного обучения. Там из них создали егерский батальон, сражавшийся против России на Рижском фронте. Однако стремление к отделению Финляндии от России проявлялось слабо. Деятельность активистов и егерей широкие круги финляндцев расценивали как авантюризм[16].

2/15 марта в результате событий Февральской революции было создано Временное правительство, высший законодательный и исполнительный орган государственной власти в России. Поскольку большинство членов первого состава Временного правительства относились к либеральному лагерю, они почти сразу осуществили то, за что упорно боролись на трибуне III Думы — Великому княжеству Финляндскому были возвращены все его особые права. На заседании 4 марта пункт шестой повестки дня гласил: «Об отмене общеимперского законодательства в Финляндии. Отменить действие закона 17 июня 1910 г., поручив министру-председателю представить проект соответствующего указа». Была упразднена состоявшая при Государственной канцелярии комиссия для систематизации финляндских законов[17].

Период, когда Энкель приступил к исполнению своих обязанностей, можно назвать «медовым месяцем» российско-финляндских отношений. Однако довольно скоро выяснилось, что бóльшая часть финского политического истеблишмента не согласна с тем объемом прав, которые были делегированы финским органам власти[18]. Финские сенаторы и депутаты зондировали почву, пытаясь выяснить, готово ли Временное правительство расширить автономные права Великого княжества. Точка зрения основной части финских правоведов сводилась к тому, что Временное правительство не могло заменить царя в качестве носителя высшей власти в Великом княжестве, ибо это противоречило сформировавшейся уже в 1880-х гг. в Финляндии так называемой «теории персональной унии». На этой концепции, сыгравшей значительную роль в формировании финской национальной идентичности и государственности, следует остановиться особо.

История формирования «теории персональной унии» подробно показана в монографии Осмо Юссилы[19]. Смысл ее сводился к тому, что Финляндия является особым государством, связанным с Россией союзными отношениями. Единственной связкой между ними выступает царь, являющийся Великим князем Финляндским. После Февральской революции в глазах сторонников

[16] *Соломещ И.М.* Указ. соч. С. 40–52; *Новикова И.Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 89–123.

[17] Архив новейшей истории России. Сер. Публикации. Т. VII: Журналы заседаний Временного правительства: В 4 т. Т. 1: Март–апрель 1917 года / Отв. ред. Б.Ф. Додонов; сост.: Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская. М., 2001. С. 48–49.

[18] *Черняев В.Ю.* Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 37–38.

[19] *Юссила О.* Великое княжество Финляндское, 1809–1917. Хельсинки, 2009. С. 288–311.

этой теории ее центральное звено — Великий князь Финляндский — исчезло. Следовало, таким образом, заново строить отношения с метрополией, требуя делегировать финским органам власти всё больше прав.

Энкель вспоминает, как сразу после своего утверждения на должность отправился в Петербург, с тем чтобы срочно передать Временному правительству законодательное предложение о внесении изменений в конституцию, одобренное сенатом Финляндии. Суть предложений сводилась к временному расширению полномочий сената. Энкелю поручалось прозондировать отношение членов Временного правительства к такому акту. Он отмечал, что с самого начала понял: будет весьма сложно препятствовать министрам вмешиваться во внутренние дела Финляндии[20].

Энкель объясняет в воспоминаниях, в чём была сложность ситуации. По мнению умеренных финских политиков, Россия совершила революцию, не заручившись согласием Финляндии. Финляндия, со своей стороны, отнеслась к новому правительству и новой государственной системе с недоверием, хотя формально договор с Временным правительством и был одобрен. Ситуацию осложняло стремление Советов влиять на финских социал-демократов, чтобы разорвать их связь с Временным правительством. Отношения с Россией осложнялись еще и тем, что в Финляндии были дислоцированы российские войска — от 80 до 100 тыс. чел. Таким образом, взаимное недоверие нарастало.

Всё это, а также зависимость Временного правительства от Советов, т.е. ситуация двоевластия делали, по мнению Энкеля, невозможным нормальное рассмотрение финляндского вопроса. Он отмечал, что члены правительства были неспособны, да и не хотели углубляться в этот вопрос. Было объявлено, что вопросы статуса национальных меньшинств будет решать Учредительное собрание[21].

В своих воспоминаниях Энкель характеризует особенности в отношении некоторых членов Временного правительства к «финскому вопросу». Милюков, несмотря на свой статус защитника Финляндии, был, как мы покажем далее, настроен жестко. А.И. Гучков заявлял, что принципом взаимоотношений с Финляндией должно быть «ничего бесплатно», т.е. Финляндии следует платить за справедливое, с ее точки зрения, решение русской властью финляндского вопроса. Г.Е. Львову «финский вопрос» был совершенно незнаком, он не высказывал своего мнения, а только просил финских юристов сформировать консолидированную позицию[22].

В воспоминаниях Энкеля, а также в его интервью финским газетам и радио, хранящихся в его архивной коллекции, подробно рассказывается о том, как он пытался примирить финскую точку зрения с позицией Временного правительства, стремясь наладить личные контакты с его членами и повлиять на некото-

[20] *Enckell C.* Poliittiset muistelmani. S. 66–67.

[21] Ibid. S. 69–70.

[22] Ibid. S. 74–75.

рых из них. Наиболее тесные связи сложились у него с А.Ф. Керенским. Приведем некоторые фрагменты воспоминаний Энкеля.

30 марта / 12 апреля Карл Карлович в своем салон-вагоне отправился из Петрограда в Хельсинки — начинались пасхальные каникулы. В том же вагоне ехал в Финляндию и Керенский, который собирался посетить своего врача (незадолго до этого ему сделали в Кауниайнене операцию на почках[23]). Энкель рассказывает, как бурно толпа на вокзале приветствовала Керенского. За день до этого торжественно открылась работа финского парламента, и Энкель дал Керенскому прочесть речь, которую от лица Временного правительства произнес генерал-губернатор, а также ответную речь председателя парламента. Керенский разгневался: «Здесь же нет благодарности Временному правительству за то, что оно сделало на благо Финляндии! Я собирался завтра сам отправиться в парламент, но теперь об этом нет и речи». Ушел и заперся в своем спальном отделении.

На следующее утро Энкель осторожно вернулся к этому вопросу, посоветовав Керенскому посетить парламент, так как Финляндия относится к нему, Керенскому, с большой симпатией, и хотя его визит и приватный, от него многого ждут. «Я посмотрю»,— ответил Керенский, оставив Энкеля в неопределенности. Однако уговоры министра статс-секретаря подействовали, и, как пишет Энкель, Керенский сделал всё возможное, чтобы завоевать народные симпатии в Финляндии. Он посетил парламент, где обнимал главу Сената Оскари Токоя, поцеловал двух депутаток-социалисток, а также возложил букет к памятнику Рунеберга. Тем не менее при посещении парламента Керенский объявил Токою, что предложения сената содержат требования, которые Временное правительство не может одобрить[24].

На обратном пути, рассказывает Энкель, Керенский сиял: финские друзья раздобыли ему новый плащ, калоши, чистый воротничок и прочие предметы туалета вместо «пролетарского» одеяния, в котором он считал своим долгом как единственный министр-социалист появляться в Петрограде. Умиротворенный Керенский предложил Энкелю помощь во всех ситуациях, которые могли бы сложиться при его деятельности в Петрограде. Вскоре после этого Энкель воспользовался этим предложением: после безрезультатного визита к Милюкову он обратился «к своему новому другу» (по его словам) Керенскому.

Визит к Милюкову состоялся сразу после возвращения из Хельсинки, 1/14 апреля. До этого Энкель с Милюковым не встречался. Основной задачей Энкеля было обсудить с ним так называемый законопроект Антти Туленхеймо

[23] О лечении Керенского в селе Кауниайнен неподалеку от Хельсинки см. например: *Söderhjelm A.* Min värd. Tredje delen. Stockholm, 1931. S. 388–391; *Ruuskanen K.* Kerenskin puheilla // Vapaussodan kertomuksia. Muistelmia ja kokemuksia. Toim. Erkki Räikkönen. Helsinki, 1935. S. 538–543.

[24] Insinööri Carl Enckellin kertomus huhtikuun 9–11 p: nä 1929 (Рассказ инженера Карла Энкеля 9–11 апреля 1929 г.) // SK. Carl Enckellin kokoelma, kotelo 28; *Enckell C.* Poliittiset muistelmani. S. 72–74.

(руководителя юридического департамента сената) о передаче части властных полномочий от Временного правительства сенату Финляндии. Законопроект отличался относительно умеренным характером: всё, что касалось общегосударственных дел («интересов России») и сессий парламента, предлагалось оставить в ведении Временного правительства, у русской власти оставалось бы и право разгона парламента. Однако бóльшая часть экономических решений должна была быть передана хозяйственному департаменту сената (после предварительного заключения генерал-губернатора).

Однако и столь умеренный проект вызвал полное несогласие Милюкова. Тот принял Энкеля холодно и заявил, что он против расширения прав Финляндии. Милюков заявил: «Мы дали вам в Манифесте все права, которыми вы должны обладать. А теперь вы требуете большего. У нас нет права давать вам больше, поскольку Временное правительство является высшим органом власти России лишь до созыва Учредительного собрания, которое должно решить вопрос формы правления, а также вопросы отношений с Финляндией, Польшей и всеми другими странами. У Временного правительства нет никаких прав изменять что-либо, это — прерогатива Учредительного собрания. Мы должны сохранить Россию в том же виде, в котором она была, когда император отрекся от власти». Энкель добавляет: «Он был очень холоден, Милюков»[25].

После такого приема у министра иностранных дел Энкель, как уже сказано, решил обратиться «к своему новому другу» Керенскому. Тот пригласил его на завтрак в министерство юстиции 7/20 апреля, однако в обеденном зале было по меньшей мере двадцать человек гостей. Энкеля посадили справа от Керенского, и он был потрясен тем, что слева от министра сидела Вера Фигнер («убийца Александра II!»,— писал Энкель), которая только вернулась из Сибири. Энкель описывает некоторые бытовые детали, например отмечает, что здоровье Керенского было слабым, поэтому ему подавали диетическую еду. В разгар завтрака в обеденный зал ворвался представитель «независимой Тверской губернии», который стал выкрикивать, что губерния не признает Временного правительства. Несмотря на все уговоры (в том числе и Фигнер) он отказался завтракать со всеми, и Керенский отправился с ним на переговоры. Таким образом, разговор Энкеля с Керенским не состоялся[26].

В интервью Энкеля есть рассказ и о его неофициальных сношениях с главой Временного правительства князем Г.Е. Львовым, с которым у него установились доверительные отношения. Львов даже пренебрег правилами протокола, неофициально передав Энкелю заключение юридического совещания под председательством Ф.Ф. Кокошкина на проект Туленхеймо. В этом заключении содержалась жесткая критика позиции Финляндии. Львов и Энкель договорились о том, что заключение не будет представлено Временному прави-

[25] *Enckell C.* Poliittiset muistelmani. S. 74–75.

[26] Ibid. S. 73.

тельству до тех пор, пока Энкель не оповестит о нем финский сенат. В большом секрете заключение было доставлено председателю сената Токою и министру юстиции Туленхеймо, которые так же секретно оповестили парламент. Однако финское общественное мнение было взбудоражено, и пресса сильно подогревала настроения в сенате и парламенте, поэтому, не дождавшись результата переговоров, 10/23 мая в Петроград отправились сенаторы-социалисты — Токой и председатель конституционной комиссии Юрьё Мякелин. Они были решительно намерены попасть на прием к Львову. Хотя из-за крайней занятости председателя Временного правительства это было почти невозможно, личные контакты Энкеля сработали (ему было ранее разрешено напрямую звонить Львову), и финские представители были немедленно приняты[27].

Однако сенаторы-социалисты были настроены радикально, и прием закончился скандалом. Токой в длинной и наступательной речи выразил удивление и неудовольствие тем, что Временное правительство до сих пор не отреагировало на законопроект об увеличении прав финского правительства. Львов был в свою очередь удивлен, и с недоумением взирал на Энкеля. Тот попытался смягчить ситуацию, разъясняя, что имеет место недоразумение, так как было договорено с Львовым, что ответ России будет дан только тогда, когда Энкель сообщит ему отзывы финляндцев на мнение юридического совещания. Однако Токой, не обращая внимания на Энкеля, протянул Львову предложения финских социал-демократов (которые даже не обсуждались в сенате, и которые были радикальнее предложений Туленхеймо). Львов, внешне спокойный, был возмущен, и высказал неудовольствие Энкелю: он не ожидал от финского правительства столь бестактного и революционного поведения. Энкелю пришлось оправдываться, докладывая Львову, что он не был поставлен в известность об этом новом предложении, и поясняя, что поданные предложения исходят не от сената, а от социал-демократической партии[28].

После этой встречи разразился скандал между Туленхеймо и Токоем, показавший, до какой степени была разобщена политическая верхушка Финляндии. Здесь же, на петербургской улице разъяренный Туленхеймо кричал на Токоя: «Прежде чем я сделаю хоть шаг, я хочу знать, являешься ли ты представителем финского правительства, или считаешь себя представителем диктатора Юрьё Мякелина?»[29]. Таким образом, задача Энкеля усложнялась. Он должен был не только достичь компромисса между Временным правительством и сенатом Финляндии, но и гибко лавировать во внутрифинском политическом противостоянии.

Кризис в финско-российских отношениях совпал с июльскими антиправительственными выступлениями большевиков. В разгар июльского кризиса,

[27] Insinööri Carl Enckellin kertomus. S. 8–9.

[28] Ibid. S. 9.

[29] Insinööri Carl Enckellin kertomus. S. 10.

5/18 июля, когда неясен был еще исход восстания большевиков в Петрограде, сейм одобрил (136 голосов за и 55 против) социал-демократический проект закона о верховной власти. Закон имел два важных аспекта: 1. Петроград лишался верховной власти в пользу Хельсинки, и 2. Верховная власть передавалась не сенату, а парламенту. Было решено, что этот закон не будет отправлен на одобрение Временному правительству. Важно отметить, что перед окончательным голосованием Токой объявил, что Временное правительство пало. Когда было получено известие о том, что Временное правительство вышло победителем из политического кризиса, закон о верховной власти был уже принят. 12/25 июля сейм направил в адрес Временного правительства требование признать «неотъемлемые права Финляндии»[30].

Этот финский бунт поначалу подорвал сложившиеся доверительные отношения между Энкелем и Керенским, теперь уже председателем Временного правительства. Энкель вспоминает, что он получил аудиенцию у Керенского 11/24 июля, в 15:00. До этого несколько дней не было телефонной связи с Хельсинки, и он не мог получить оттуда никаких сведений. Керенский принял его в морском министерстве, стоя в центре зала в военном мундире и держа одну руку за спиной, в позе Наполеона. Он произнес: «Ага, что это вы, финны, в самом деле, творите? Вы объявили независимость, говорите, что вы свободны от России, не хотите одалживать нам денег. Хотите ли вы привести дело к тому, что Россия начнет военные действия против вас и закроет границу между нами? Вы стремитесь к этому, так, что ли?»[31]

Энкель набрался мужества в этот решительный момент спокойно ответить: «Александр Федорович, я пришел говорить с Вами не о политике. Я пришел лишь пожать Вашу руку и пожелать удачи на Вашем ответственном посту». Тактика Энкеля оказалась верной — весь «наполеоновский» пафос Керенского исчез, он засмеялся и предложил сесть. «Мы смеялись и беседовали» — вспоминает Энкель. Было решено обсуждать дела Финляндии позже, когда появится генерал-губернатор Стахович. Позже Энкель и Стахович, обсудив ситуацию, приняли решение распустить парламент и назначить новые выборы. Это было осуществлено 31 июля 1917 г. в соответствии с манифестом Временного правительства[32].

По мере ослабления позиций Временного правительства, а особенно после начала корниловского выступления возрастали опасения финского сената, что в России надвигается угроза установления диктатуры. Предварительно договорившись через Энкеля с Керенским, сенат решил подготовить открытое письмо о расширении его полномочий. 30 августа / 12 сентября, когда войска Корнилова были на подступах к Петрограду, Керенский подписал это открытое

[30] *Кетола Э.* Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 30.

[31] Insinööri Carl Enckellin kertomus. S. 13.

[32] *Enckell C.* Poliittiset muistelmani. S. 90–94.

письмо, которое незамедлительно было опубликовано в Хельсинки[33]. В письме говорилось «о передаче сенату Финляндии некоторых дел на окончательное разрешение». Фактически это было осуществление не принятого ранее закона Туленхеймо. Это письмо сохраняло в Финляндии силу закона, пока в стране существовала монархическая система правления, т.е. до июля 1919 г.[34]

2/15–3/16 октября прошли консультации между конституционным комитетом Стольберга[35] и юридической совещательной комиссией Временного правительства[36]. Обсуждались предложения Комитета по новой конституции и так называемому государственному акту, в котором определялся характер отношений между Финляндией и Россией. Как отмечает Осмо Юссила, законопроекты, предложенные комитетом, «вобрали в себя все те надежды и мечтания, которые лелеяли конституционалистские круги Финляндии...»[37]. В них в завуалированном виде предлагалось фактически узаконить статус Финляндии как отдельного государства. Отмечалось, например, что Финляндия является республикой, что законодательную власть должны осуществлять парламент и государственный совет. В предложениях Комитета отсутствовала фигура генерал-губернатора, но появилась должность регента, который временно принял бы на себя права Великого князя. Ему принадлежало бы право окончательного утверждения законов Финляндии.

23 октября / 5 ноября предложения комитета Стольберга были представлены Временному правительству; незадолго до этого, 19 октября / 1 ноября был созван на первую сессию новый парламент Финляндии. Энкель так вспоминает об этой последней встрече с Керенским в качестве председателя правительства и верховного главнокомандующего: «Во второй половине дня 5 ноября, то есть незадолго до свержения Временного правительства, мною были представлены подготовленные сенатским конституционным комитетом Стольберга проекты государственного закона и формы правления. В соответствии с этими предложениями, Финляндия должна была иметь собственного президента, наделенного полномочиями главы государства, за исключением права принятия решений по вопросам международных отношений, военных дел, а также прав находящихся в стране русских. Утверждение законов, касавшихся этих вопросов, сохранялось в компетенции носителя российской верховной власти. На заседании царила нервозная атмосфера, оно то и дело прерывалось, когда председателя просили выйти, чтобы принять одну из тех делегаций, который являлись, чтобы сообщить о подготовке большевистского мятежа.

---

[33] *Enckell C.* Op. cit. S. 100–101; *Polvinen T.* Op. cit. S. 97.

[34] *Polvinen T.* Op. cit. S. 97; *Кетола Э.* Указ. соч. С. 31.

[35] Конституционный комитет под руководством правоведа Карло Юхо Стольберга был создан сенатом 18/31 марта; ему было поручено разработать положения о форме правления и взаимоотношениях с Россией. О его деятельности см. в частности: *Юссила О.* Указ. соч. С. 751–770.

[36] *Polvinen T.* Op. cit. S. 98.

[37] *Юссила О.* Указ. соч. С. 753.

Юридический комитет высказал целый ряд соображений по внесению изменений, представленных профессором Н.И. Лазаревским. Я был против изменений, однако правительство приняло их без обсуждения. В одном из пунктов этих изменений упоминался носитель верховной власти, однако особо не уточнялось, что имеется в виду власть российская. Когда я указал на эту неточность, А.Ф. Керенский, вспылив, воскликнул: "В Финляндии нет другого носителя верховной исполнительной власти!"»[38]

В интервью Энкеля приводится его собственное возражение Керенскому: «Прошу прощения, Александр Федорович, но в соответствии с этим законом в Финляндии есть президент, который и есть представитель высшей власти в Хельсинки...» Керенский, который не читал законопроекта, и, конечно, во взбудораженной атмосфере начала ноября не был готов вдаваться в детали, ответил: «Ну да, Вы правы, Вы правы!». «Он был очень импульсивный господин» — добавляет Энкель. Так на последнем заседании Временного правительства, посвященном Финляндии, был утвержден статус ее президента, и в целом принят законопроект, намного расширявший полномочия финских властей[39].

Однако произошедший через два дня октябрьский переворот сделал возможным реализацию гораздо более радикального проекта — утверждения независимости Финляндии. Предпринимавшаяся Энкелем тактика лавирования и поисков компромиссов увенчалась успехом. Он признавался в своем интервью: «Во время пребывания в Петрограде я надеялся на то, что мы смогли бы получить нашу независимость, как спелый плод, когда Россия распадется. Я говорил с моими помощниками о том, что, конечно, мы еще примем участие в мирной конференции после войны»[40]. Министр статс-секретарь оказался провидцем и прекрасным тактиком: не давая конфликту между Временным правительством и Финляндией зайти слишком далеко, он медленно, но верно приближал независимость своей родины.

Хорошо известно, как осуществилось отделение Финляндии от Российской империи. В конце ноября — начале декабря сенат пришел к выводу о необходимости срочного объявления независимости. 21 ноября / 4 декабря председатель сената П.Э. Свинхувуд зачитал в парламенте объявление сената о том, что Финляндия взяла свою судьбу в свои руки и правительство обращается к другим государствам с просьбой о признании.

23 ноября / 6 декабря собрался парламент, и 100 голосами против 88 была принята Декларация независимости Финляндии[41]. Но иностранные государства отказались признать независимость Финляндии, прежде чем ее признает Россия. 14/27 декабря сенат решил отправить Карла Энкеля и профессора

[38] *Enckell C.* S. 113–114.

[39] Insinööri Carl Enckellin kertomus. S. 18.

[40] Ibid. S. 16.

[41] *Новикова И.Н.* Указ. соч. С. 185.

права доктора Карла Густава Идмана в Петроград для выяснения позиции правительства Ленина, но их опередили социал-демократы: Эдвард Гюллинг, Куллерво Манер и Карл Виик встретились с Лениным в Смольном. Ленин, выразив удивление, что рабочие Финляндии еще не совершили революции, обещал поддержку[42]. Троцкий, как и Ленин, одобрил независимость Финляндии, и счел, что она подтолкнет рабочих Великого княжества к революции.

И всё же последний шаг в направлении финской независимости был совершен с участием Карла Энкеля. После Октябрьского переворота его должность называлась уже «представитель Финского сената в России», однако суть ее оставалась прежней. 15/28 декабря Энкель и Идман прибыли в Петроград, где Ленин сказал им: «Дело очень простое. Ваше правительство напишет нам письмо, на которое мы сразу ответим»[43]. Через два дня, 17/30 декабря 1917 г., в Петроград прибыла делегация, состоявшая из Энкеля, Свинхувуда и Идмана. Энкель вспоминает, что большевики в тот день устроили какую-то большую демонстрацию, и в связи с этим граждане прятались по домам и улицы города были пусты. Финские представители не могли даже найти извозчика на Финляндском вокзале, и полпути прошли пешком, пока уже на Садовой им не попался извозчик. Из статс-секретариата Финляндии в понедельник делегация отправилась в Смольный с двумя экземплярами отношения, адресованного правительству России. Однако в Смольном выяснилось, что название письма следовало изменить: «Совету Народных Комиссаров». Впопыхах перепечатали название (оставив, однако, формулу «правительство России» в тексте), и вновь доставили бумагу в Смольный, где должны были ждать ее утверждения на заседании Совнаркома.

Энкель живо описывает наполненную папиросным дымом комнату, многочисленных посетителей, работников Смольного, каких-то детей, сновавших взад и вперед по просторному залу. Финские посланники нервничали, но в 11 часов вечера бумага была подписана. Финляндия получила независимость. По просьбе финнов к ним вышел Ленин, который сердечно пожал всем троим руки и шутливо спросил: «Теперь вы довольны?». Свинхвуд воскликнул: «Да, да!». После короткой беседы Свинхувуд, попрощавшись, отправился с драгоценным документом домой, в Финляндию[44]. Энкель остался в Петрограде, и получил через четыре дня подтверждение решения о финской независимости, которое было утверждено Центральным комитетом.

Воспоминания и интервью Энкеля ценны не только подробным и детальным воспроизведением исторических событий, но и обилием бытовых деталей, впечатлениями и оценками самого автора. Для самого Карла Йохана Энкеля события 1917 г., в которых он играл одну из важнейших ролей, оказались

[42] *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Указ. соч. С. 112.

[43] Там же.

[44] Insinööri Carl Enckellin kertomus. S. 28–31.

судьбоносными — он начал и большую часть своей жизни продолжал карьеру одного из ведущих финских политиков. Неоднократно, в самые решительные периоды финской истории, Энкель занимал должность министра иностранных дел Финляндии[45], являлся руководителем финской делегации на Парижских мирных переговорах 1919 г., был послом Финляндии во Франции, руководил финской делегацией на переговорах о перемирии с СССР в 1944 г., а также в 1947 г. от лица Финляндии подписал мирный договор с СССР. На всём протяжении его карьеры политика ему помогали навыки, полученные в имперской России, и многочисленные социальные сети, сложившиеся в молодые годы. Как видим, контакты финской и российской элит смогли пережить саму империю, создав богатый задел для будущего обеих стран.

**References**

*Černâev V.Û.* Revolûciâ 1917 goda i obretenie Finlândiej nezavisimosti // Otečestvennaâ istoriâ. 1993. № 6. S. 37–38.

*Enckell C.* Poliittiset muistelmani. Porvoo–Helsinki, 1956.

*af Forselles-Riska S.* Kak iz oficera i rukovoditelâ promyšlennosti Karla Ènkelâ polučilsâ znatok rossijskih del i poslednij stats-sekretar' Finlândii v Peterburge // Sankt-Peterburg i Strany Severnoj Evropy: Materialy IV Ežegodnoj naučnoj konferencii (24–25 aprelâ 2002 g.). SPb., 2003. S. 57–65.

*Kappeler A.* Centr i èlity periferij v Gabsburgskoj, Rossijskoj i Osmanskoj imperiâh (1700–1918 gg.) // Ab Imperio. 2007. № 2. S. 17–58.

*Ketola È.* Revolûciâ 1917 goda i obretenie Finlândiej nezavisimosti // Otečestvennaâ istoriâ. 1993. № 6. S. 27–36.

*Novikova I.N.* «Finskaâ karta» v nemeckom pas'ânse: Germaniâ i problema nezavisimosti Finlândii v gody Pervoj mirovoj vojny. SPb., 2002.

*Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi, 1917–1920. Osa I. Helmikuu 1917 — toukokuu 1918. Porvoo–Helsinki, 1967.

*Ruuskanen K.* Kerenskin puheilla // Vapaussodan kertomuksia. Muistelmia ja kokemuksia. Toim. Erkki Räikkönen. Helsinki, 1935. S. 538–543.

*Screen J.E.O.* «Våra landsman»: Finnish Officers in Russian Service, 1809–1917: a Selection of Documents. Åbo, 1983.

*Screen J.E.O.* The Entry of Finnish Officers into Russian Military Service 1809–1917. London, 1976.

Släktbok. Ny Föld. III: 2–3. Ekenäs, 1989.

Släkten Enckell, 1623–2000. Sammanställ av Gerald Enckell. 2000.

*Söderhjelm A.* Min värd. Tredje delen. Stockholm, 1931.

*Solomeŝ I.M.* Finlândskaâ politika carizma v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 — fevral' 1917 g.): Učebnoe posobie. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PGU, 1992.

Suomen Kansallisbiografia. Osa 2. Helsinki, 2003.

*Ûssila O., Hentilâ S., Nevakivi Û.* Političeskaâ istoriâ Finlândii, 1809–1995. M., 1998.

*Ûssila O.* Velikoe knâžestvo Finlândskoe, 1809–1917. Hel'sinki, 2009.

*Volkov S.V.* Generalitet Rossijskoj imperii: Ènciklopedičeskij slovar' generalov i admiralov ot Petra I do Nikolaâ II. M., 2009. T. II: L–Â.

**Список литературы**

*Волков С.В.* Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. II: Л–Я.

*Каппелер А.* Центр и элиты периферий в Габсбургской, Российской и Османской империях (1700–1918 гг.) // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 17–58.

[45] Энкель был министром иностранных дел в следующие отрезки времени: 27.11.1918–28.04.1919, 02.06.1922–14.11.1922, 18.01.1924–31.05.1924, 08.08.1944–17.03.1950.

*Кетола Э.* Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–36.

*Новикова И.Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002.

*Соломещ И.М.* Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.): Учебное пособие. Петрозаводск: Издательство ПГУ, 1992.

*аф Форселлес-Риска С.* Как из офицера и руководителя промышленности Карла Энкеля получился знаток российских дел и последний статс-секретарь Финляндии в Петербурге // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы: Материалы IV Ежегодной научной конференции (24–25 апреля 2002 г.). СПб., 2003. С. 57–65.

*Черняев В.Ю.* Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 37–38.

*Юссила О.* Великое княжество Финляндское, 1809–1917. Хельсинки, 2009.

*Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии, 1809–1995. М., 1998.

*Enckell C.* Poliittiset muistelmani. Porvoo–Helsinki, 1956.

*Ruuskanen K.* Kerenskin puheilla // Vapaussodan kertomuksia. Muistelmia ja kokemuksia. Toim. Erkki Räikkönen. Helsinki, 1935. S. 538–543.

*Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi, 1917–1920. Osa I. Helmikuu 1917 — toukokuu 1918. Porvoo–Helsinki, 1967.

*Screen J.E.O.* The Entry of Finnish Officers into Russian Military Service 1809–1917. London, 1976.

*Screen J.E. O.* «Våra landsman»: Finnish Officers in Russian Service, 1809–1917: a Selection of Documents. Åbo, 1983.

Släktbok. Ny Föld. III: 2–3. Ekenäs, 1989.

Släkten Enckell, 1623–2000. Sammanställ av Gerald Enckell. 2000.

Suomen Kansallisbiografia. Osa 2. Helsinki, 2003.

*Söderhjelm A.* Min värd. Tredje delen. Stockholm, 1931.